

**НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ:
ПОГРАНИЧНЫЙ УРАЛ
В ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ***

Дмитрий Бугров

Екатерина Бугрова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**BETWEEN LIFE AND DEATH:
THE BORDERLINE URALS
IN THANATOLOGICAL CULTURE**

Dmitry Bugrov

Ekaterina Bugrova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The space of the Urals is analysed through the prism of thanatological studies. The paper emphasises the significance of the phenomenon of death / dying in the understanding of local identity. The authors provide a concept of the Urals as a multi-level frontier, including not only geographical, ethnocultural, and socio-economic dimensions, but also a metaphysical frontier between the world of the living and the world of the dead, the real and the surreal. A specific tradition developed in the region due to the historical peculiarities of adaptation that generations of immigrants had to go through to become accustomed to severe climatic, social, and economic conditions: the gloomy, the anxious, and even the terrible becomes commonplace in the minds of Ural inhabitants; death is regarded as something ordinary and not extraordinary, as a familiar portal for transition into non-being, not as an unfamiliar or frightening state. At the same time, a constant stay

* *Citation:* Bugrov, D., Bugrova, E. (2019). Between Life and Death: The Borderline Urals in Thanatological Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433.

Цитирование: Bugrov D., Bugrova E. Between Life and Death: The Borderline Urals in Thanatological Culture // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433 / Бугров Д., Бугрова Е. На грани Жизни и Смерти: пограничный Урал в танатологической культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433.

at the edge of life and death, on the border of the known and the unknown, forges a unique Ural character that helps overcome real difficulties and hardships, resist the challenges of nature and fate, and, ultimately, defeat unfavourable circumstances again and again in the quest to find light in life. Practical issues receive special attention in the paper as it considers the possibilities of developing so-called dark tourism in the Central Urals as a way of presenting a special local cultural code that includes such important elements as willingness to overcome difficulties, the sense of a frontier, and conscious coexistence with death, which is initially present nearby. Allegorically, such a cultural code may be compared to the worldview of fort guards or people living by the ocean at the far reaches of the Earth. Unusual discourses and the commodification of death are common for the Urals and reflect the potential of dark (and in general – cultural) tourism in the region. It is already a unique product, even though demand for it is still spontaneous and haphazard.

Keywords: Ural identity; mortality; dark tourism; death studies; space conceptualization; frontier.

Пространство Урала рассматривается в рамках танатологических исследований. Показана важность феномена смерти/умирания в понимании локальной идентичности. Предлагается концепция Урала как многоуровневой границы, включающей в себя не только природно-географические, этнокультурные, социально-экономические измерения, но и метафизический рубеж между миром живых и миром мертвых, реальным и ирреальным. Вследствие исторических особенностей адаптации поколений переселенцев к жизни в сложных климатических, социальных, экономических условиях складывается специфическая традиция: мрачное, тревожное и даже ужасное становится обыденным в сознании жителей Урала, смерть воспринимается ими как нечто бытовое, а не экстраординарное, как привычно используемый портал для перехода в инобытие, а не как незнакомое и потому пугающее состояние. В то же время постоянное пребывание на рубеже жизни и смерти, на границе познанного и неизведанного выковывает своеобразный уральский характер, позволяющий преодолевать реальные трудности и лишения, противостоять вызовам природы и судьбы, в конечном счете в своем стремлении к свету вновь и вновь побеждать неблагоприятные обстоятельства. Существенное внимание уделяется практическим вопросам – возможности развития на Среднем Урале так называемого мрачного туризма как способа презентации особого местного культурного кода, включающего в себя такие элементы, как готовность к преодолению, ощущение приграничности, осознанное сосуществование со смертью, которая изначально присутствует где-то неподалеку. Аллегорически такой культурный код можно уподобить мироощущению стражей, несущих дозор на крепостной стене, или жителей побережья океана на краю земли. Необычные дискурс

и практика коммодификации смерти, характерные именно для Урала, отражают сложившийся в регионе потенциал мрачного (а если брать шире, то в целом – культурного) туризма и уже формируют в известной степени уникальный продукт, востребованный пока относительно стихийно и бессистемно.

Ключевые слова: уральская идентичность; смертность; сумрачный туризм; death studies; концептуализация пространства; граница.

Пограничные мифологемы Урала

Тема смерти – одна из самых сложных и неоднозначных, которая вызывает у человека одновременно и страх, и любопытство. Персонификация смерти присутствует во многих мифологиях, и ее образ значим для культуры. Однако вплоть до 1970-х гг. исследования антропологов, связанные со смертью, не содержали в себе каких-либо единых концепций и подходов к изучению этого явления. Основой для развития научного интереса к указанной теме служили работы социологов, психологов и психиатров, занимавшихся ее культурологическими аспектами [Palgi, Abramovitch]. Можно назвать немало ставших классическими работ, касающихся изучения смерти (см., например: [Тайлор; Фрезер; Дюркгейм; Герц; ван Геннеп; Фрейд]), но особый интерес вызывает обращение к восприятию феномена смерти именно в современном мире с такими его актуальными приметами, как глобализация, информатизация, экспансия экономики услуг.

Для общества постмодерна во многом характерно явление *отрицания смерти*, популяризированное Эрнестом Беккером в примечательной одноименной работе (1973) [Becker]. Об этом же говорит в своем знаменитом труде «Человек перед лицом смерти» (1977) и Филипп Арьес, указывая на распространение модели *перевернутой смерти*, запретной, вытесненной из публичного пространства, на триумф медиализации и отказ современного общества принимать смерть как нечто естественное [Арьес]. Ряд ученых задокументировали различные способы, с помощью которых сегодня в социуме пытаются отрицать смерть (например, табу на публичные дискуссии о смерти и умирании, использование эвфемизмов и т. д.). Однако при этом, как отмечает Кит Деркин, можно говорить и об увлеченности смертью и связанными с ней явлениями – подобные темы стали важной и неотъемлемой частью современной массовой культуры. Автор констатирует, что в большом количестве художественных фильмов делается акцент на смерти/умирании (главным образом это касается фильмов ужасов), обращение к теме смерти стало традиционным также для музыки, в том числе и для современных поп- и рок-исполнителей [Durkin].

Для некоторых геопространств смерть становится узнаваемым культурным кодом и даже своеобразным брендом. Ярким примером служит празднование Дня мертвых в Мексике, включенное ЮНЕСКО

в список нематериального культурного наследия человечества (ил. 1 на цв. вклейке)¹. На территории Российской Федерации подобным регионом можно назвать Урал, хотя в широком информационном пространстве говорить о смерти как части уральской идентичности не принято, однако ряд ученых и публицистов в последние годы озвучивают этот тезис в своих работах и выступлениях.

Урал – граница во многих смыслах. В первую очередь вспоминается ставшая его признанным атрибутом граница Европы и Азии – историческая, символическая, ментальная граница, существенная часть которой проходит по Уральским горам. Можно применить к этому региону и термин «фронтир», рассматривая его как границу между освоенным и неосвоенным пространствами во времена покорения Сибири – сравнения с историей Дикого Запада как в профессиональных исследованиях, так и в публицистике встречаются нередко: упоминаются и привлекательность края для авантюристов, и золотая лихорадка... Урал становится границей в истории России [Лученко]. И вместе с тем можно воспринимать Урал как землю, расположенную на границе «своего» и «чужого», где «свое» – освоенное, принадлежащее человеку, а «чужое» – нечеловеческое, «сфера смерти» [Байбурин]. Транслировавшееся в XVIII–XIX вв. восприятие Сибири как «края дикости, безысходности и inferнального ужаса» [Агеев, с. 32], края ссылок и каторги позволяет представить Урал и как земли, соседствующие с миром мертвых, граничащие с территорией мучений и смерти. Образ этой своего рода точки невозврата, границы между двумя мирами – живых и мертвых – передал в своей книге «Сибирь и ссылка» в начале XX в. американский путешественник Джордж Кеннан, описавший пограничный столб между Пермской («европейской») и Тобольской («сибирской») губерниями:

Это был сибирский пограничный камень. Ни с одним пунктом, от С.-Петербурга до Тихого океана, не связано в России столько печальных воспоминаний; ни одна местность в России не имеет для путешественника такого интереса, как эта маленькая лесная поляна и этот каменный столб, освященный печалью и людским несчастьем. Сотни тысяч человеческих существ, мужчин, женщин и детей, князей, дворян и крестьян, сказали здесь отечеству, родине, друзьям и родным последнее прощанье [Кеннан, с. 33].

Как и у любой мифологической границы с миром мертвых, перед последним шагом в горе все равны, вне зависимости от социального статуса.

¹ Калавера (*исп.* calavera – «череп») – мексиканский символ Дня мертвых. Это слово может означать целый ряд изделий, ассоциированных с праздником, например, сахарные калавера – кондитерские изделия, используемые для украшения алтарей и употребляемые в пищу во время празднования, а также любые художественные изображения черепов.

Урал совсем рядом с миром мертвых – а потому страшен, потому здесь творятся странные вещи. Созданная в сказах Бажова мифология рассказывает о населяющих Урал существах иномирных, в некоторой степени демонических – это Хозяйка Медной горы, Великий Полоз, Синюшка. Литературовед Марк Липовецкий прямо называет царство Хозяйки Медной горы «своего рода уральским языческим Элизиумом», а также отмечает, что нередко переход из земного мира в подземный в сказах происходит незаметно – магический, темный мир оказывается в непосредственной близости от человека, а потому пересечь границу совсем не сложно, равно как и вступить в контакт с «чужими», волшебными персонажами [Липовецкий].

Герои уральского классика Федора Решетникова существуют в пространстве, находящемся в повседневной близости к смерти, которая, в свою очередь, представляет из себя явление сугубо бытовое, такое же, как сон, еда и работа [Кубасов]. Именно страх в ощущении близости смерти становится одним из основных чувств, присущих жителям провинции, в произведениях другого уральца – Дмитрия Мамина-Сибиряка [Созина]. Примечательно, что реальная жизнь под тяготами канцелярщины местами оказывается еще запутаннее и страшнее:

Познакомившись ближе с внутренней жизнью Златоуста, вас прежде всего поражает совершающийся здесь процесс омертвения, как и в Кыштыме – там люди, лежа на золоте, скоро будут умирать с голода, а здесь бегут от голодной смерти.

Контраст между красотой природного ландшафта и мрачностью ландшафта социального удручает писателя:

Да, грустное впечатление производит Златоуст при ближайшем знакомстве с его устоями, и это впечатление только усиливается внешними красотами и «преизбыточествующими сокровищами». С этим грустным чувством я и уехал из Златоуста, точно от постели тяжело больного человека...

Тоска и тревога не покидают автора и в селе Никольском под Щелкуном (на полпути между Челябинском и Екатеринбург):

...когда-то здесь кипела крепостная работа, а теперь мертвая тишина и разложение, медленное и неотвратимое, как скрытая болезнь [Мамин-Сибиряк, с. 27, 76, 77].

Легко на Урале и пересечь границы дозволенного, человеческого, о чем свидетельствуют, к примеру, легенды о жестокости Демидовых. Красочно описал их Василий Немирович-Данченко в очерке «Кама и Урал» (1890):

С Невьянской наклонною башнею связано много преданий. В ее под-земельях и народ топили, в ее закоулках людей замуравливали, в ее чер-ных казематах и застенках держали вредных и опасных супротивников [Немирович-Данченко, с. 657].

В то же время автор подчеркивает, что узнать, правдивы ли эти исто-рии или нет, уже невозможно, тем не менее, все они запечатлены в на-родной памяти:

На Урале всякий мальчик порасскажет вам о делах того минувшего, несчастного времени... [Там же, с. 658].

Добавим: здесь ветер в вершинах сосен шепчет имена ревнителей древнего благочестия, шагнувших в спасительный огонь из грехов-ного сумрака; здесь могильным холодом веет от выщербленных стен Тобольской пересыльной тюрьмы и хмурятся исподлбья на реке Чу-совой знаменитые камни-бойцы – безмолвные свидетели гибели «же-лезных караванов» (ил. 2 на цв. вклейке).

Жестоким был и XX в.: Урал навсегда будет связан с трагической судьбой последних Романовых, безжалостно убитых в Екатеринбу-рге, Перми и Алапаевске летом 1918 г.

В 1930-е гг. мифологизируется смерть уральского пионера Павлика Морозова, занявшего важнейшее место в пантеоне героев того време-ни [Хеллман]. В 1957 г. произошла Кыштымская катастрофа (взрыв на химкомбинате «Маяк» в Озерске) – первая радиационная техно-генная катастрофа в СССР и третья по масштабам (после аварий на Чернобыльской АЭС и Фукусиме-1) в истории мировой ядерной энергетики [Аклеев, Подтесов и др.]. Скульптор Эрнст Неизвестный продолжил эту тему, начав работу над «Масками скорби» – мемо-риальными монументами, посвященными жертвам политических репрессий 1930–1950-х гг., расположить которые предполагалось в «главных городах ГУЛАГа» – Екатеринбурге (Свердловске), Воркуте и Магадане [см.: Образы России. Монумент «Маска скорби»]. Таким образом, Урал становился гранью задуманного Неизвестным «Тре-угольника страданий». Сегодня установлены две из трех «Масок» – в Магадане и Екатеринбурге (ил. 3 на цв. вклейке).

Символичным кажется, что именно под Екатеринбургом в 1960 г. был сбит самолет Фрэнсиса Пауэрса – как будто не дано ему было пересечь эту невидимую мистическую границу. Но и тут не обо-шлось без уральского злого рока – по трагической ошибке одна из ракет попала в советский самолет, летчик Сергей Сафронов по-гиб [Рундквист].

С Уралом связаны и другие невероятные легенды и события, по-зволяющие говорить еще и о границе с космическим, – древний ис-чезнувший Аркаим, кыштымский «инопланетянин» Алешенька, Мо-лѣбская аномальная зона и, наконец, метеорит «Челябинск», падение

которого стало самым значительным в этой сфере событием на Земле за последние 100 лет, со времен знаменитого Тунгусского метеорита [Рундквист].

Несомненно, разноплановая «пограничность», «рубежность» Урала делает его зловещей и загадочной территорией. Публицист Дмитрий Быков называет Урал готическим местом, а уральский мир – страшным. И поэтому именно здесь, по мнению Быкова, произошла самая таинственная история советской эпохи – происшествие с тургруппой Игоря Дятлова [Быков], случившееся в окрестностях Холатчахль – «Горы мертвецов».

Вектор «мрачного туризма» на Урале

Как отмечалось выше, отношение к смерти в современном обществе двойственно: с одной стороны, тема табуирована, с другой – является важнейшим элементом массовой культуры, оказывающей влияние на самые разные сферы, в частности, на индустрию туризма, которой необходимо постоянно предлагать новые направления, отвечающие потребностям запросам, быть гибкой и быстро реагировать на изменения ментальности современного человека [Скрипова]. Более того, некоторые исследователи говорят о сходстве функций массовой культуры и туризма, также ставшего массовым начиная со второй половины XX в. – и в новом столетии количество туристов постоянно растет: по данным Всемирной туристской организации, в 2018 г. в мире было совершено 1,4 млрд международных путешествий. Как и для массовой культуры, для туризма в значительной мере характерны следующие функции: социальной интеграции индивидов (восприятие норм и ценностей того или иного общества); познавательная; компенсаторная (рекреационная) функция, связанная с получением индивидами эмоциональной разрядки в условиях стресса.

Активно развивающаяся индустрия туризма как флагман экономики впечатлений позволяет путешественникам получить большое количество образов в кратчайшие сроки, отвечая изменениям модели восприятия окружающего мира [Гализдра]. В первую очередь галерея этих образов должна вызывать положительные эмоции у путешественников, однако интерес к феномену смерти не стал исключением и для сферы туризма – и с середины 90-х гг. XX в. исследователи заговорили о *мрачном (темном) туризме*, генерирующем нетипичные впечатления. Этот термин получил распространение после выхода статьи Малкольма Фоули и Джона Дж. Леннона «Кеннеди и мрачный туризм: увлечение убийством» [Foley, Lennon].

Мрачный туризм можно кратко охарактеризовать как вид туризма, цель которого – посещение мест, связанных со смертью и страданием. Максимилиано Корстанье, занимающийся исследованиями в этой области, пишет, что еще Джордж Г. Мид в своем труде «Разум,

я и общество» (1934) задавался вопросом: почему многие люди предпочитают неприятные и плохие истории в новостях и прессе, откуда берется увлечение страданиями других людей [см.: Korstanje]? Предлагаемые в рамках мрачного туризма «продукты» стали своего рода ответом на интерес к *плохим историям*. И хотя данный вид туризма подвергается критике как эксплуатационный, провоцирующий монетизацию горя и коммодификацию смерти, однако его исследователи называют иные причины появления этого направления и роста его популярности. Как бы то ни было, сегодня мрачный туризм – динамично развивающийся сектор туристской индустрии, включающий в себя множество подвидов. Так, например, некропольный туризм подразумевает визиты на кладбища; мистический туризм (или ghost walk) предполагает путешествия туристов в места, эмоционально окрашенные легендами о привидениях, туризм катастроф – в места, где происходили природные катаклизмы или техногенные аварии, цель руинного туризма – изучение заброшенных или разрушенных зданий и т. д. Некоторые места резонансных или множественных самоубийств являются популярными объектами «мрачного туризма» (мост Золотые Ворота в США или лес Аокигахара в Японии)².

Как видно, «мрачный туризм» перекликается с некоторыми другими видами туризма – в частности, с городским [Le Gallou], ностальгическим и паломническим. Кроме того, мрачный туризм можно рассматривать и как часть культурно-познавательного туризма (cultural tourism).

Филип Стоун, руководитель Института исследования «мрачного туризма» в Центральном университете Ланкашира, подчеркивает, что в ряде случаев такой туризм может быть представлен как своего рода паломничество и, что важнее всего, посещение подобных достопримечательностей нужно рассматривать как попытку созерцать «смерть себя» [Stone], пережить возможность смерти через смерть других. И Ф. Стоун, и М. Корстанье с соавторами указывают основные функции мрачного туризма – преодоление трудностей и потрясений, пережитых обществом, а также определение и осознание места смерти в прошлом, настоящем и будущем, формирование и трансляция обществу послания, позволяющего извлечь урок из травмирующего опыта [Stone, Sharpley; Korstanje, Ivanov]. Следовательно, «мрачный туризм» тесно связан с феноменом психологической устойчивости [Korstanje] и представляет собой один из способов восстановления и сохранения единства сообщества, пережившего какую-либо трагедию. Как говорилось ранее, в современном обществе тема смерти в некотором роде избегается, воспринимается как что-то личное, частное, не терпящее стороннего внимания. Смерть как будто бы от-

² Неоднозначное и спорное явление, так называемый суицидальный туризм (то есть организация поездок для смертельно больных в государства, где эвтаназия разрешена в том числе и для иностранцев), не относится к разновидностям мрачного туризма.

сутствует в повседневности, но существует в массмедиа и массовой культуре – абстрактная и деперсонализированная [Stone, Sharpley].

Знакомство с объектами мрачного туризма служит источником информации об умирании и смерти, превращая его в важный социально-культурный инструмент для понимания смерти. Бескорыстное сочувствие, которое испытывают посетители этих объектов, подчеркивает универсальную значимость мест, связанных как с индивидуальными переживаниями, так и с укреплением коллективной памяти, что способствует созданию новой культуры поминовения [Sather-Wagstaff].

Нельзя отрицать, что эта формирующаяся культура подразумевает и коммерческую составляющую, чему способствует и мрачный туризм. Его потребители рассчитывают на определенные привычные туристские сценарии – например, приобретение тематических сувениров или развитие необходимой туристам инфраструктуры.

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать, что развитие мрачного туризма на территориях, одним из аспектов локальной идентичности которых являются феномены смерти и ужаса, имеет свой смысл и представляет собой не эксплуатацию трагических страниц истории, а наглядную презентацию культурных особенностей конкретного региона в популярной форме.

Свердловская область (в географическом измерении – Средний и отчасти Северный Урал) обладает заметным потенциалом для развития «мрачного туризма». Определенная работа в этом направлении уже идет: предлагаются тематические туры, среди которых выделяются костюмированная мистическая экскурсия «Городские легенды Екатеринбурга», а также иммерсивный проект Музея истории Екатеринбурга «Дело № 39496», в рамках которого туристы посещают мемориал жертв политических репрессий [Городские легенды Екатеринбурга; Дело № 39496]. Отчасти типологически близким представляется и уральский фрагмент (Тобольск – Екатеринбург – Алапаевск) «Императорского маршрута», посвященного последним Романовым [Паломнические маршруты]. О знаменитой наклонной Невьянской башне Немирович-Данченко в уже упомянутой книге «Кама и Урал» писал практически как об объекте мрачного туризма:

Царство призраков стало уделом сказок; видения уже не являются любопытному туристу с сказаниями о тайнах и ужасах, когда-то совершавшихся под этими мрачными, тяжелыми сводами [Немирович-Данченко, с. 657].

И все же один из наиболее известных и узнаваемых трагических сюжетов, связанных с Уралом, мало реализован как туристский продукт. Речь идет о гибели группы Дятлова на севере Свердловской обл. в 1959 г. Екатерина и Елизавета Агамировы, говоря о важности для привлечения туристов генерирования искусственных мотиваций, в качестве иллюстрации к их формированию (созданию легенды), наряду с лохнесским чудовищем, одним из наиболее знаменитых персо-

нажей городских мифов, приводят и сюжет, касающийся группы Дятлова [Агамирова Е. В., Агамирова Е. В.]. Перевал Дятлова присутствует на официальном сайте Федерального агентства по туризму (Ростуризма) в списке основных достопримечательностей Свердловской обл., а сама трагедия достаточно широко известна в массовой культуре.

Создание в Екатеринбурге интерактивного музея или постоянной экспозиции мрачных и мистических сюжетов было бы хорошим вариантом, сочетающим в себе как решение задач сугубо практических, связанных с развитием туризма, так и культурологических. Эти музеи и выставки, представленные в мировой практике, открывают посетителям не только собственно историю той или иной трагедии, но и сопутствующие мифы и легенды. В Белфасте в 2012 г. на месте бывшей верфи *Harland & Wolff*, где в начале XX в. велось строительство серии трансатлантических лайнеров класса «Олимпик» («Олимпик», «Титаник», «Британник»), открылся интерактивный музей «Титаник Белфаст», рассказывающий о жизни в столице Северной Ирландии в 1909–1911 гг., о создании «Титаника» и его гибели во время первого же рейса. Отдельные залы посвящены последствиям катастрофы, легендам и образам «Титаника» в массовой культуре. Сегодня этот музей стал одной из главных достопримечательностей Северной Ирландии и второй по посещаемости аттракцией (815 тыс. посетителей в 2018 г.), уступая лишь знаменитой Дороге гигантов [см.: Northern Ireland Annual Visitor Attraction Survey 2018].

Такие музеи выполняют главным образом образовательную и познавательную функции. Кроме того, экспозиции позволяют включать событие в более общий контекст и рассказывать о локальной истории в конкретную эпоху. В случае с трагедией на перевале Дятлова в качестве поддерживающих тем можно назвать самодеятельное туристское движение в СССР и студенческую жизнь на Урале в третьей четверти XX в. – эпоху послевоенных десятилетий с их ярко выраженной романтикой научно-технической революции. В таком случае музей сможет стать частью городской экскурсии по Екатеринбургу, в рамках которой туристы также посетят Михайловское кладбище, где находятся мемориал и могилы дятловцев, и Уральский федеральный университет (ранее – УГТУ-УПИ и УрГУ), поскольку группа была приписана к спортклубу Уральского политехнического института и почти все ее участники являлись студентами или выпускниками различных его факультетов (радиотехнического, физико-технического, строительного) (ил. 4 на цв. вклейке). Существует проект передачи Фондом памяти группы Дятлова архива по этому необычному делу в музей «Ельцин Центра».

В России в силу ряда причин маршруты и объекты «мрачного туризма» непосредственно не представлены ни в федеральной, ни в региональной туристской повестке. Этот вид туризма не упоминается ни в одном из официальных документов, определяющих развитие туристской отрасли в России в целом и на Урале в частности. Мрачная

тематика находит пусть и не прямое, а косвенное отражение в турах и экскурсиях, предлагаемых организаторами других видов туризма – культурно-познавательного, военно-мемориального, паломнического, активного, ностальгического, индустриального – и в этом можно усмотреть проявление того самого «рубежного» культурного кода Урала, его укорененности в уральском сознании.

Отмеченный выше запрос генерируется не какой-то особой группой потребителей смыслов, не представителями одной-двух субкультур и не эпатажными акционистами, он объективно является своеобразным социальным запросом носителей различных культурных кодов и поколений. Следовательно, проект, ориентированный на удовлетворение этого запроса, может оказаться востребованным в качестве фактора интеграции интересов клиентских аудиторий нескольких массовых видов туризма. Он нужен мегаполису с динамично трансформирующейся городской средой и, будучи реализован, поможет не только повысить привлекательность города как туристской дестинации, но и разнообразить его культурный ландшафт, подкрепить его претензии на роль аккумулятора и транслятора актуальных трендов в индустрии впечатлений. Располагая хорошо узнаваемым сюжетом из-за его постоянного тиражирования в массовой культуре, как безусловно универсальным, так и столь же безусловно отражающим локальную специфику (историческую, географическую, социально-экономическую и пр.), потенциальные участники проекта получают возможность обеспечить и этически допустимый уровень коммерциализации событий, разыгравшихся на Северном Урале 60 лет назад, и выполнение миссии сохранения памяти о погибших.

* * *

Суровость климата, удаленность от исторического центра России и от государственных границ, специфика экономического уклада, осознание своего статуса переселенцев, пришлых людей, которые обрели новую малую родину – эти и другие факторы усиливали ощущение жизни на рубеже познанного и неизведанного, реального и запредельного, конечного и бесконечного, порождали удивительное состояние постоянного поиска путей преодоления человеческой слабости, социальной несправедливости, всепобеждающего пространства и природы. Вольно или невольно заселившие Урал этнические русские пребывали в готовности бросить вызов чему-то могущественному – и уцелеть. Претерпеть, преодолеть – и на границе жизни и смерти остаться на стороне живых. Вопреки всей тяжести, всей мрачности бытия на физически и символически существующем многоплановом рубеже (а может быть, и благодаря этой мрачности, которая испытывает на прочность икратно усиливает тягу человека к свету и счастью).

Близость иномирности, чувство соседства с чем-то ирреальным и страшным (не-людьми) становится фактором отрешенности от обыденной граничности, от государственных границ, разделяющих людей и людей. Метафизический фронтир вкупе с физической полубезграничностью, обусловленной удаленностью от существующих рубежей (Империи, Союза Республик, Федерации) превратили Урал в территорию, где в годы мировых войн укрылись от гибели хлынувшие из европейской части страны эвакуированные люди, заводы и технологии, культурные ценности. В очередной раз свершилось преодоление, повлекшее за собой преобразование Урала, ставшего во второй половине XX столетия самой густонаселенной после столичного региона частью России.

Туризм как массовая практика для живых выводит смерть в поле жизни, включает ее в круг бытия, нивелирует страх перед ней и примиряет живущих со смертью. Посредством этой практики происходит коммодификация смерти. Показательно, что организаторы Пятой Уральской индустриальной биеннале современного искусства осенью 2019 г. определили ее повесткой «Бессмертие» – как метафорическое зеркало для мрачной тематики.

Список литературы

Агамирова Е. В., Агамирова Е. В. Создание искусственной мотивации для формирования клиентских потоков в туристские регионы // Вестн. Асс. вузов туризма и сервиса. Т. 9. 2015. № 1. С. 60–68. DOI 10.12737/7944.

Агеев А. Д. Американский «фронтир» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования в Сибири : материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)», 4–6 октября 1996 г. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 30–36.

Аклеев А. В., Подтесов Г. Н. и др. Челябинская область: ликвидация последствий радиационных аварий. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 2006. 344 с.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 528 с.

Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1990. С. 3–17.

Быков Д. Сказ о том, как Бажов изобрел Урал : лекция [аудиозапись] // Прямая речь : лекторий : [сайт]. URL: https://www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_kak_bazhov_izobryol_ural (дата обращения: 11.07.2019).

Гализдра А. С. Феномен туризма в пространстве массовой культуры // Туризм и культурное наследие : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 122–128.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Вост. лит., 1999. 198 с.

Герц Р. Смерть и правая рука. М. : ARS Press, 2019. 264 с.

Городские легенды Екатеринбурга : Страшно интересная экскурсия : [сайт]. URL: <http://glekb.ru/> (дата обращения: 14.08.2019).

Дело № 39496 : Иммерсивный «спектакль» // 12 км. Мемориал жертв политических репрессий : [сайт]. URL: <http://12memorial.ru/spektakl> (дата обращения: 20.07.2019).

Дюркгейм Э. Самоубийство. М. : АСТ, 2018. 446 с.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб. : Изд. В. Врублевского, 1906. 458 с.

Кубасов А. В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова. [Б. м.] : Изд. решения, 2017. 116 с.

Иллюстрации к статье:
*Дмитрий Бугров, Екатерина Бугрова. На грани Жизни и Смерти:
пограничный Урал в танатологической культуре*

Illustration for the article:
*Dmitry Bugrov, Ekaterina Bugrova. Between Life and Death:
The Borderline Urals in Thanatological Culture*

1. Калавера. Фото Е. П. Чиловой
Calaveras. Photograph by E. P. Chilova

2. Невьянская башня. Фото Д. В. Бугрова
The Leaning Tower of Nev'yansk. Photograph by D. V. Bugrov

3. Эрнст Неизвестный. Маски скорби. Екатеринбург. Фото Е. Д. Бугровой
Ernst Neizvestny. Masks of Sorrow. Yekaterinburg. Photograph by E. D. Bugrova

4. Мемориал погибшим участникам группы Дятлова. Михайловское кладбище,
Екатеринбург. Фото Е. Д. Бугровой
Tomb of the Dyatlov Pass incident group. Mikhailovskoe Cemetery, Yekaterinburg.
Photograph by E. D. Bugrova

- Липовецкий М.* Зловещее в сказах Бажова // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 212–230.
- Лученко К. В.* Россия: взгляд с колокольни. От Калининграда до Якутии : документальная проза. М. : Никей, 2016. 416 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* По Зауралью: путевые заметки // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.
- Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1890. 755 с.
- Образы России : Монумент «Маска скорби» // Культура.рф : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/institutes/33649/monument-mask-a-skorbi> (дата обращения: 12.08.2019).
- Паломнические маршруты // Путеводитель по Свердловской области – туристский интернет-портал Свердловской области : [сайт]. URL: http://gotoural.com/паломнические_маршруты/ (дата обращения: 10.08.2019).
- Рундквист Н. А.* Страшные тайны Урала. Екатеринбург : Квист, 2016. 184 с.
- Скрипова Т. В.* Влияние массовой культуры на появление новых видов туристского сервиса // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 2 (16). С. 128–140.
- Созина Е. К.* Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 15–26.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1989. 576 с.
- Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Академ. проект, 2017. 799 с.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия : Критически-историческое исследование. Ижевск : ERGO, 2018. 120 с.
- Хеллман Б.* Сказка и быль : История русской детской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 560 с.
- Becker E.* The Denial of Death. NY : Free Press, 1975. 315 p.
- Durkin K. F.* Death, Dying, and the Dead in Popular Culture : in 2 vols. // Handbook of Death & Dying. Thousand Oaks : SAGE Publ., 2003. Vol. 1. The Presence of Death. P. 43–49. DOI 10.4135/9781412914291.n5.
- Foley M., Lennon J. J.* JFK and Dark Tourism : A Fascination with Assassination // Intern. J. of Heritage Studies. 1996. № 2 (4). P. 198–211. DOI 10.1080/13527259608722175.
- Korstanje M.* The Anthropology of Dark Tourism : Exploring the Contradictions of Capitalism // Centre for Ethnicity & Racism Studies : [website]. URL: https://cers.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/97/2015/02/Korstanje_CERS_15.pdf (mode of access: 09.07.2019).
- Korstanje M. E., Ivanov S.* Tourism as a Form of New Psychological Resilience : The Inception of Dark Tourism // Cultur: Revista de Cultura e Turismo. 2012. № 6 (4). P. 56–71. DOI 10.2139/ssrn.2168400.
- Le Gallou A.* From Urban Exploration to Ruin Tourism: A Geographical Analysis of Contemporary Ruins as New Frontiers for Urban Tourism // Intern. J. of Tourism Cities. Vol. 4. 2018. № 2. P. 245–260. DOI 10.1108/IJTC-12–2017–0085.
- Northern Ireland Annual Visitor Attraction Survey 2018 // Northern Ireland Statistics and Research Agency : [official website]. URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/Annual-NI-Visitor-Attraction-Survey-2018.pdf> (mode of access: 10.07.2019).
- Palgi P., Abramovitch H.* Death: A Cross-Cultural Perspective // Annual Review of Anthropology. 1984. Vol. 13. P. 385–417. DOI 10.1146/annurev.an.13.100184.002125.
- Sather-Wagstaff J.* Heritage That Hurts: Tourists in the Memoryscapes of September 11. NY : Routledge, 2011. 243 p.
- Stone P.* Dark Tourism and Significant Other Death : Towards a Model of Mortality Mediation // Annals of Tourism Research. Vol. 39. 2012. Iss. 3. P. 1565–1587. DOI 10.1016/j.annals.2012.04.007.
- Stone P., Sharples R.* Consuming Dark-Tourism a Thanatological Perspective // Annals of Tourism Research. Vol. 35. 2008. Iss. 2. P. 574–595. DOI 10.1016/j.annals.2008.02.003.